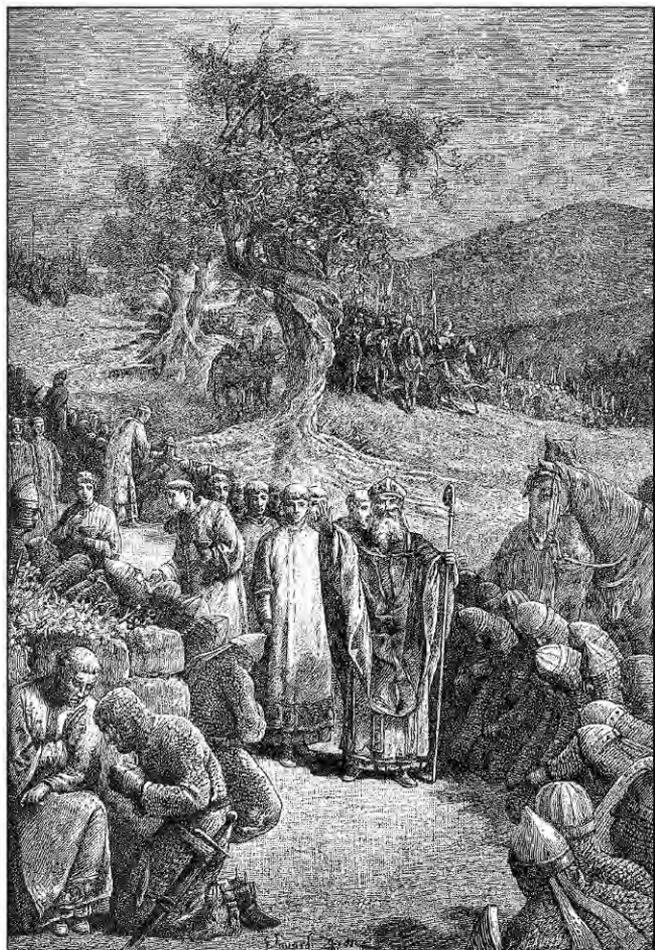

люди. опытные и отличившиеся в делах духовных и светских, они боялись иметь подобного вождя, принимая во внимание и его крайнюю молодость, и телесное расслабление, и отсутствие навыка в практической жизни. Клерво, находясь на территории города Лангра, близ р. Об, был издавна пристанищем воров и назывался в прежнее время Долиной Полыни или по причине изобилия этого растения, или по той горечи, которую испытывали попадавшие там в руки воров. Благочестивая братия поселилась в этом месте ужаса и пустынного уединения, чтобы превратить гнездо грабителей в храм Божий и дом молитв. Там они служили Богу некоторое время в простоте и бедности духа, претерпевая голод, жажду, стужу, наготу и бессонные ночи. Часто приходилось им питаться дубовыми листьями. Их хлеб, как хлеб того пророка, состоял из смеси ячменя, пшена и негодных растений, так что благочестивые люди, которых угощали в том доме, брали с собой такой хлеб с горькими слезами, чтобы показать другим, вместо чуда, как живут люди, и какие люди!..

Глава VI посвящена рассказам о первых чудесах Бернарда, его благочестии и о том, как он успел уговорить свою замужнюю сестру оставить свет и удалиться в монастырь.

VII. Так как Бернард, недавно отправленный в Клерво, должен был еще получить посвящение в свое звание, а епископский престол в Лангре, от которого зависело такое посвящение, был не занят, то братия искала другое место, где он мог бы быть поставлен; вскоре они вспомнили об отличной славе преподобного епископа в городе Шалоне, знаменитого наставника Вильгельма Шампо, и было решено послать к нему Бернарда. Бернард отправился в Шалон в сопровождении Гельбольда, монаха из Сито. Молодой человек, слабый телом и исхудалый, вступил в дом вышеупомянутого епископа, а за ним следовал монах, старший его возрастом и замечательный ростом, силой и красотой. При виде их одни начали смеяться и шутить, но нашлись и такие люди, которые, поняв настоящий смысл всего, оказали почтение Бернарду. Когда спрашивали, кто же из этих двух аббат, глаза

Общее причастие

епископа прозрели первыми: он узнал служителя Божьего и сообразно с тем принял его. В первой же частной беседе высказанные Бернардом слова обнаружили всю мудрость юноши более, чем то могла бы сделать целая проповедь, и епископ понял, что прибытие такого гостя есть посещение свыше. Не было недостатка в знаках гостеприимства, пока разговор не поселил между ними дружбы и свободной откровенности: епископ полюбил Бернарда более за симпатию, которую он внушал, нежели за его речи. С того дня и часа они составляли в Боге одно сердце и одну душу, так что впоследствии один был часто гостем другого, и Клерво считалось собственным домом епис-